

З. МЛИНАР, Я. ШТЕБЕ

МОБИЛЬНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОСТИ МИРА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ОПЫТ СЛОВЕНИИ

МЛИНАР Здравко - почетный профессор социологии Люблянского университета, академик Академии наук и искусств Словении. ШТЕБЕ Янес — руководитель архива социальных данных Люблянского университета.

Постановка проблемы. Мобильность - это потоки людей, товаров, капитала и информации, подгоняемые технологическими и политическими переменами, которые пересекают установленные границы обществ, организованных территориально на местном, региональном, национальном и наднациональном уровнях. Возникает вопрос, как меняется пространственная идентификация человека в ходе трансформации, которую М. Кастель определяет как сдвиг от "пространства мест" к "пространству потоков" [4]? Все это происходит в контексте **глобализации**, которая, по мнениям некоторых ученых, включает в себя детерриториализацию. Однако все больше людей сознают, что глобализация просто ведет к стиранию территориальных идентичностей. Об этом говорилось еще на международном конгрессе социологов в Мадриде в 1990 г. [см, 12]. Скорее всего, при известных условиях она также дает простор еще большему их **утверждению**. Кроме тренда к усилению единообразия, рост мобильности создает новые уникальные комбинации и придает отличительные черты отдельным местам в пространстве, идет ли речь о физических, социальных чертах или их различных сочетаниях.

В спорах социологов о глобализации Б. Пош [в: 12] провел различие между технико-экономической стороной содействия этим потокам в мировом масштабе и сферой социальной идентификации людей в территориальных общностях. Этот тип объяснения нельзя использовать для обеих сфер. А. Турен [18] тоже различает "инструментальность" и "идентичность". Первая проистекает из экономической рациональности, лежащей в основе территориального разделения труда и потоков товаров во все расширяющемся пространстве. Вторая - отражение определенных путей в истории, породивших различия между территориями, подобные заметно выраженным отличиям стран Европы от США. Именно эти особенности, различия и преемственность критически важны для определения и распознавания всякой идентичности. Но все же неясно, движется или нет Европа по направлению к американской модели высокой пространственной мобильности и территориальному единообразию. Кроме того, как показал К. Боулдинг [3], еще предстоит прояснить один из фундаментальных вопросов человечества: что ему несет будущее в плане территориального разнообразия? Будет ли рост мобильности и взаимных связей в рамках возникающего мирового общества, как "тотальной системы", означать также утрату разнообразия территорий?

В 1970-1980-е гг. обсуждались в основном проблема "культурного империализма" [9] в свете потоков информации и роста глобальных коммуникаций, а также представление о том, что остальная часть мира все более подчиняется мировому ядру с вытекающими отсюда культурной гомогенизацией и подрывом локальной или националь-

Статья печатается в сокращенном варианте.

ной идентичности. Но постепенно аналитики стали замечать, что влияние не было односторонним и что "глобальные продукты" не воспринимаются пассивно [10], напротив, они все больше адаптируются так, что стираются резкие различия между идентичностями в ходе "креолизации", "гибридизации" и "глокализации".

В Словении растет чувство опасности потерять национальную идентичность и территориальную целостность. Но пока нет полного объяснения, которое не ограничилось бы статичным анализом сегмента одного уровня - уровня страны. Ведь если брать лишь уровень страны, основные силы динамики сегодняшнего дня непреднамеренно будут упущены. Речь идет о параллельных транснациональных взаимных связях субнациональных акторов, таких как регионы, города и различные, не привязанные к территориям группы, особенно индивиды. Все это несет новые возможности расширения пространства, даже за пределы границ государства, и ставит вопрос о связях с окружающей средой дома, о лояльности ей, об идентификации, о родине, гражданстве и т.п. Остается все меньше аксиоматично установленных данных, все больше становится идентичностей по выбору.

Большая мобильность, экспансия граждан определенной страны и их растущий доступ к повседневному связям со всем миром по мере роста информационно-коммуникационных технологий (Интернет, ТВ, онлайн-газеты) представляют собой растущий вызов традиционалистскому, консервативному взгляду на национальную идентичность. Конечно, последняя основана на выраженной территориальной эксклюзии ("идентичность как остров"). Это в принципе противоречит современной тяге к динамичному, мобильному, открытому обществу. Больше с этими тенденциями гармонирует метафора "идентичность на перепутье". Она связывает уникальность идентичности с растущей модификацией природного и культурного наследия в пространстве потоков мирового масштаба.

Наша статья основана на данных опросов общественного мнения Словении (ООМС) [<http://www.adp.fdv.uni-lj.si>], а также других материалах проводившихся на протяжении десятилетий опросов. Некоторые вопросы задавались только небольшим группам в рамках ООМС, другие составной частью входили в международные компаративные опросы, проводившихся в рамках разных проектов ООМС, например, Национальная идентичность I и Национальная идентичность II по Международной программе социальных исследований (ИССП) в 1996 и 1998 гг.

Смена взглядов на идентичность и процесс "открывания" территориальным единиц. Обсуждение национальных, региональных и локальных идентичностей до последнего времени было слишком статичным, как будто бы существует нечто предопределенное, данное раз и навсегда. Недооценен тот факт, что лишь мобильность и взаимосвязи на широком пространстве до некоторой (по меньшей мере) степени действительно позволяют увидеть отличия от других и тем самым познать себя, утверждать уникальность собственной идентичности. Эта попытка уже не сдерживается традиционными способами. Примерами могут быть хорошо известные эмигрантские диаспоры, например, в Европе, играющие более важную роль в утверждении своих территориальных и этнических идентичностей, чем граждане этих же стран. Поэтому не приходится иметь дело отдельно с идентичностью и отдельно с сетями, как это делает Кастельс, В Словении, как и в соседних странах, это становится все яснее с каждым годом. Неуклонно интенсифицирующиеся связи со "словенцами за рубежом" стимулируют "поиск корней". "Искатели" корней "исследуют"¹¹ прошлое своего сообщества и все время открывают природные и культурные наследия, которые призваны обеспечить им право действовать на мировой сцене.

Пространство для двойных стандартов в отношении своих и чужих прав и обязанностей сжимается, то есть, при неограниченной свободе доступа надо ограничивать и контролировать доступ других к твоим ресурсам (ср.: Г. Тюни и З. Млинар о "двух законах доступа" [17]). Эта двойственность все еще широко присутствует и узнается в общественном мнении Словении, как и других стран. Но радикальная критика любого и каждого шага против иммиграции в настоящее время весьма утопична, напри-

мер, поддержка рядом гражданских групп доставки на судах в Словению иммигрантов. То есть, нелегальной иммиграции противопоставлена запертая "крепость Европа". Хотя верно, что в Словении люди в основном больше ориентируются на сдерживание мобильности чужаков извне, чем, как минимум, на привлечение талантливых творческих индивидов.

Новое словенское государство следовало классической концепции утверждения национальной идентичности. На практике оно исключило "иностранцев" или ограничило их права. Новый европейский порядок, однако, устраняет различие (дискриминацию) по основанию территориальных прав, по меньшей мере, в масштабе континента и, очевидно, одерживает в этом вопросе верх, несмотря на различия взглядов среди населения. Прежние представления о географических границах между своими и иноземцами, между родиной и чужими странами и т.п. все больше сталкиваются с расширением пространства мобильности людей и их объединением в контексте европейской интеграции и глобализации. Мы впадаем во все более серьезную ошибку, оценивая - весьма приблизительно - все, что есть вне национальных границ, как "иностранное", "чужестранное", "иноземное". В долгосрочной перспективе, конечно, развернутся сближение и растущее перемешивание, переплетение своего и иностранного. Этот сдвиг можно описать как одомашнивание иностранного или как глобализацию и даже уничтожение домашнего. Настаивать на чистоте коренного населения на определенной территории, чему недавно Балканы были свидетелями, становится, иначе говоря, недоказуемым и бессмысленным. На шкале Европы и развитого мира дискриминация по территориальному и этническому происхождению, религии и другим формам уступает место наращиванию преимущественно универсальных стандартов. Они касаются прав человека и мобильности, как и перелива товаров, капитала и информации. Универсализация - не некая априорная альтернатива всякой пространственной обособленности. Она больше, чем противоположность, она также условие, инфраструктура своего рода для неограниченных потоков (мобильности), которая может (не обязательно) привести к еще большему утверждению индивидуальной и коллективной идентичности.

Ожидания от мобильности и ее пределы. Опросы ООМС позволяют сформировать базу данных о реальной мобильности людей внутри и вне границ Словении, как и об их установках и, особенно, ожиданиях от разных форм мобильности. Эти данные можно изучать в свете общей теории нарастания мобильности в контексте процессов социального развития, индивидуализации и глобализации. Последние процессы взаимосвязаны, так как уникальность таких черт индивидуумов и субгрупп, как способности, проблемы, амбиции, цели наилучшим образом могут утверждаться на максимально широком территориальном уровне, то есть, уровне всемирном. Чем выше степень индивидуализации в общественной жизни вообще, тем избирательнее, разбросаннее в пространстве и разнообразнее делается мобильность людей, охватывая растущие пространства.

Несмотря на долгосрочную тенденцию индивидуализации и глобализации мобильности людей в пространстве, эмпирические исследования в Словении и странах Европы обнаруживают удивительно сильные ограничения, налагаемые на нее. Уже поднимался вопрос [11] о трансграничной иммобильности, а не мобильности рабочей силы в Европе. Менее двух процентов всех резидентов ЕС намерены в ближайшие годы перебраться в другую страну ЕС [там же, р. 101]. 98% работников иммобильны в трансграничном плане. 2% активной части населения - водители, осуществляющие перевозки на большие расстояния. Вопреки всем поощрениям, предлагаемым ЕС, трансграничная трудовая мобильность пока исключение, а не доминирующая модель. Это связано, прежде всего, с ограничительными установками и идентичностями. Различия наших представлений об общности создает социальная граница. Она же укрепляет безразличие к другим. Уход от неопределенности и стремление человека к разграничению и идентификации с некой существующей социопропространственной категорией - вот главные мотивы иммобильности. Привычка, безразличие к другим или ко

всему чуждому доминирует. Поэтому люди даже не думают искать лучшие возможности за границей. В результате ожидавшаяся тенденция мобильности, выведенная из экономической теории рационального выбора, до сих пор оказывалась переоцененной. Посылка о рациональном выборе и в Европе, и в Словении оказалась недостаточной для объяснения преобладания ограниченной пространственной мобильности,

Ван Хотум и Ван дер Вельде отмечали, что стимулы национальных государств и регионов до сих пор не были достаточно эффективны для изменения установок по отношению к трансграничной мобильности. По мере открытия стран ЕС акцент на важности национальной идентичности растет, что - вольно или невольно — увековечивает существующую трансграничную иммобильность.

Социолог К.Фишер в книге "Все более укорененные американцы" [7] пишет о тенденции, противоположной доминирующей идее о росте мобильности людей. Он обнаружил спад мобильности резидентов в США между 1950 и 1999 гг. (и ранее). Причиной может быть то, что он занимался локальной мобильностью (внутри штатов), в то время как теоретическая модель индивидуализации и глобализации связана с долгосрочной мобильностью в более широких территориальных рамках. Возможно, рост на глобальном уровне породит определенный спад на локальном или региональном уровнях.

Внимательное изучение данных о масштабе мобильности между странами ЕС показывает, что не было линейного роста мобильности во времени. Максимальная мобильность фиксировалась в 1960-е гг. Тогда основные потоки шли с юга на север. Позднее, несмотря на устранение перегоронок и интеграционные процессы, мобильность снизилась. Данные справочных изданий "The Social Situation in EU 2001, Brussels, SEC, 2001, 425; EUROSTAT - Theme 3-2.2003. p. 4" и др. показывают, что число проживающих в ЕС нерезидентов доходит примерно до 4% населения ЕС, в то время как число резидентов ЕС в других странах ЕС - лишь до 1,5% населения.

С социологической точки зрения неожиданный спад ожидавшегося роста мобильности после 1960-х гг. можно отнести, прежде всего, на счет снижения объема одного отдельного типа мобильности. Раньше миграция была жизненной необходимостью - найти работу (прежде всего в промышленности). Сегодня и в будущем, по меньшей мере в развитом мире, мобильность будет все больше связана с индивидуализацией и направленным стремлением к оптимальному размещению уникальных интересов индивида (работа, место жительства, досуг). Поскольку работа становится все менее связанной с постоянным наймом на одном и том же месте, а деятельность в рамках многонациональных проектов или корпораций прибавляет в своем значении, пространственное рассеивание работников растет, а время нахождения в месте постоянного проживания (в традиционном смысле) сокращается. Пространственные рамки мобильности отражены в данных о том, в частности, что процент миграций между странами ЕС держится примерно на уровне 1,5%. Объем иммиграции из третьих стран в ЕС между тем вырос с 1,5% до 3,3% [2, p. 52].

Мобильность больше нельзя приравнять к "безродности". Перемещение за пределы местных и национальных границ ставит вопрос о сохранении и разрушении (преодолении) территориальной идентичности, о появлении "транснациональной морфологии" и "транснациональной идентичности". Мобильные люди одновременно живут в нескольких территориальных общностях или привязаны к ним, превращая эти общности в менее взаимоисключающие, чем прежде. Все больше становится разных сочетаний присутствия и отсутствия, как и транснациональных акторов, которые могут одновременно быть и там, и здесь, в одно и то же время действуя и оценивая ситуацию на нескольких уровнях [15, p. 164]. Смит в этой связи показал, что локальная и национальная идентификация может фактически содействовать транснациональности, И напротив, движение в транснациональном пространстве скорее усиливает, чем уменьшает значимость "национального".

Однако эти интерпретации слишком упрощены. Разнообразие ситуаций не сводится просто к ответу да-нет. Исследователи пространственной мобильности и осо-

бенно миграций уделяют много внимания именно "транснационализму" как образу жизни и отмиранию ранее важного принципа - "двух родин быть не может ни у кого". Идентичности, поведение и ценности все более мобильных людей не ограничены местом. Их формируют и опора на национальные идентичности, и борьба против них. Иногда транснациональные идентичности сопровождаются чувством placelessness -отсутствия привязанности к месту.

Мобильность никак нельзя приравнять к безродности, а иммобильность к укорененности (преданности, идентификации), даже если К. Фишер косвенно намекает на это в работе о снижении мобильности резидентов [7]. Мобильность приобретает вполне негативную коннотацию в территориальных общностях, то есть на местном и национальном уровнях: по отношению к ряду социальных проблем (рост изолированности резидентов, беспорядок, преступность, чувство утраты дома и т.п.) и к низкой идентификации с общностью. Но, отмечал Фишер, условия жизни сегодня улучшаются, прежде всего, у мобильных и ухудшаются у тех, кто остается дома (чаще в условиях города).

Изучение сохранения идентификации с местом уже наталкивалось на вопрос связи с пространственной мобильностью. Все больше причин полагать, что рост мобильности не обязательно порождает чувства бездомности, что привязанность к месту следует понимать в рамках процессов перемен по ходу жизненного цикла и пространственной мобильности.

Как показали исследования, идентификация, например, с местом проживания не обязательно утрачивается при миграции. Дом - это в большой мере опора сохранения идентификации с местом, поскольку он - некое хранилище символов идентичности. В то же время, локальные предметы, играющие для индивида роль личных или публичных символов, сами по себе весьма мобильны и используются ритуально как печать прежнего дома на новом месте. С ростом мобильности этот вид персонализации места проживания посредством подвижных предметов, сувениров более не привязан к месту и не является эксклюзивным.

Исследования источников региональных идентичностей на юге США [5, p. 550] показали, что региональное чувство (сознание - awareness) развито больше всего у людей, много путешествовавших и живших вне своей местности какое-то время, а не среди тех, кто очень укоренен в своей местности.

Мобильность и референтные точки в пространстве. Здесь особенно показателен вопрос, впервые вошедший в ООМС-70 (1970 г.); "Кого вы больше всего уважаете, чье мнение для вас важнее всего?". 41% респондентов назвали лиц, живущих в том же месте, 9% - живущих в других местах, а 50% ответили "ничье". Последняя группа неожиданно велика, что указывает на необходимость ее дальнейшего изучения. Нужно отметить, что более мобильные респонденты (путешествовавшие на весьма удаленные расстояния и в далекие страны) также несколько не заботятся о том, что думают о них другие. Еще большой процент среди них, чем среди менее мобильных, считает это важным. Те, кто ездил максимум в другие районы Словении, отвечают относительно чаще, что им все равно, что о них думают другие,

Эти различия становятся понятнее с учетом роли образования. Относительно высокая доля респондентов, говорящих, что им все равно, приходится на группу с минимальным уровнем образования, а минимальная доля - на лиц со средним и высшим образованием. Лучше образованным чаще важны мнения людей вне места их проживания, чем людям минимально образованным (23% против 10%). То есть, практически одинаковые доли минимально и максимально образованных равнодушны к мнению других в местах проживания. Но наибольшее различие заключено в том, что последние также чаще ссылаются на других людей, живущих в местностях, разбросанных на больших расстояниях. Это понятно в свете их большей пространственной мобильности и вовлеченности в формальные и неформальные коммуникационные сети. Чем выше уровень образования, тем ниже доля тех, кто постоянно жил в месте нынешнего проживания с рождения, или, иными словами, короче время, проведенное

в родных местах. Уровень образования и большая пространственная мобильность в то же время связаны с более активным участием в информационных потоках. Кроме относительно большего внимания к мнению людей в более широком пространстве, лучше образованные также более склонны говорить то, что думают, тем самым легче утверждая свою индивидуальную и коллективную идентичность. Это указывает на долгосрочную перспективу выхода за пределы традиционного взаимоисключения мобильности и идентификации. Но различия в образовании ведут и к различиям интеллектуального капитала* указывая на нечто большее, чем просто психологические различия между людьми. У лучше образованных больше преимуществ и способностей формировать и выражать свои идентичности, то есть "управлять" ими. Их стремление к низкой конформности ("говорить, что думаешь") также можно рассматривать в этом свете.

От взаимной эксклюзии к двойственной идентичности. Эксклюзия и/или взаимодополняемость? Имеющиеся исследования показывают, что степень идентификации с нацией и с Европой положительно коррелирует в одних странах и отрицательно в других [6, p. 772]. С учетом политической истории Испании, например, там после активных публичных дебатов сложилось весьма позитивное отношение к европейской идентичности, не представлявшей угрозы ни для национальной, ни для региональной идентичности. Люди, четко идентифицирующие себя с Испанией и/или родным регионом, столь же четко идентифицируют себя с Европой. То есть испанцы выстроили некую двойственную идентичность, как ее называют в литературе. Европейская интеграция видится как процесс, представляющий испанцам лучшие возможности укрепить, а не утратить, испанскую или региональную идентичность. Это говорит о выходе за пределы взаимоисключения при выборе идентичности. Но сложные реалии нынешней Словении таким способом не объяснить. И здесь интеграция в Европу (ЕС) гораздо привлекательнее связи со слаборазвитыми частями бывшей Югославии. Тем не менее, это не просто вопрос дополнения. Объяснения в терминах замены позиции "Выиграл-проиграл" на "Выиграл-выиграл", то есть, - все что-то получают, и никто не теряет в рамках большой Европы, весьма упрощены. Возьмем такой вопрос, как положение словенского языка, - граждане считают его знание первым условием получения гражданства. Или эрозия суверенитета в лице полномочий Национального собрания и т.д. Так же, как и на межстрановом уровне, на уровнях внутри страны возникают различия между проигравшими и выигравшими [13].

Обзоры ООМС за 1994-2004 гг. позволяют проверить аргумент о дополнении идентичности на разных уровнях. За эти годы привязанность к родным местам в целом усилилась. Но не приверженность Европе. Более того, сравнения показывают, что группа более привязанных к родным местам заметно выросла. Но именно она не привязана к Европе. Это равнозначно усилению эксклюзивистской идентификации. За те же годы группа "не-эксклюзивистов" (привязанных одновременно к дому и к Европе) не изменилась. Это противоречит утверждению (и определенным данным), что идентичности столь переплетены, что привязанность к своей местности совмещается с национальной и континентальной. Слишком рано обобщать, так как другие данные, упомянутые выше, показывают достаточно стабильную, не меняющуюся картину территориальной идентификации. В то же время доля эксклюзивной идентификации с Европой снизилась от 9 до 4%. Локальная идентификация остается первичным условием одновременной идентификации с Европой, а эксклюзивная идентификация с Европой все более становится исключением.

Мобильность и идентификация в информационный век. Что бы ни писали о мобильности и идентификации в территориальных пространствах без учета воздействий и перемен, вызванных новыми информационно-коммуникационными технологиями, сегодня недостаточно. Нашу статью завершит взгляд в будущее, на некоторые фундаментальные проблемы и их исходные оценки; правда, данные опросов ООМС касались их мимоходом. Симптоматично, что до сегодняшнего дня много больше внима-

ния уделяют технической стороне информационных технологий, чем социально-пространственным последствиям [14].

Здесь налицо более крупная проблема соотношения физического и виртуального пространства, которая в последнее время приобрела большие перспективы. Недавно был поставлен очень интересный вопрос: вытеснят ли телекоммуникации транспорт? Например, если работающие станут телепассажирами, которым не надо каждый день ездить на работу? Пока практика показывает, что регулярные поездки на работу сократились, но число поездок на большие расстояния растет. Рост доступности громадных объемов информации через Интернет из дома или с рабочего места несколько сократил необходимость в физическом присутствии, например, на международных совещаниях, но это не полностью заменяет прямые личные контакты.

Показано [1], что спортивные телепередачи "живьем" негативно повлияли на прямое физическое присутствие. Обнаружено также [8], что они сократили посещение зрителями стадионов. Но по другим данным, такие передачи ведут к росту числа болельщиков на стадионах. Остается открытым вопрос, насколько и каким образом телепередачи заменяют и/или дополняют присутствие и, тем самым, пространственную мобильность. Французские футбольные фанаты часто собираются вокруг телевизоров и экранов в общественных местах. Некоторые предпочитают это подходу на стадион. Растущая тенденция замещать матчи на стадионах "воспроизведением", "повторами" и т.п. на больших экранах также говорит о том, что речь идет не просто о выборе физического или электронного.

Данные ООМС демонстрируют позитивную корреляцию между реальной и желаемой мобильностью людей и потоками идей, информации в пространстве. Первая измерялась через вопросы о поездках за рубеж и о готовности мигрировать, что можно сопоставить с данными о владении персональным компьютером, доступом в Интернет и домашней библиотекой размером более ста книг. Данные о готовности мигрировать (ответы на вопрос "Вы когда-либо думали пожить некоторое время вне Словении?") подтвердили такой подход. Опрос ООМС 2002-1 показывает, что респонденты, ездившие в отдаленные части Европы или за ее пределы, охватили большую долю респондентов с персональным компьютером, чем у ездивших максимум в не очень отдаленные места. В целом, поэтому, люди, интенсивнее вовлеченные в разные формы телекоммуникаций не меньше, а больше, даже максимально, мобильны в пространстве, а также максимально открыты и готовы к мобильности, включая иммиграцию других.

Кроме пространственной мобильности людей, интенсификация потоков информации сама по себе или в сочетании с мобильностью влияет на привязанность к конкретным территориальным общностям и участие в решении их проблем. Здесь нет простых альтернатив. Рост информации со всего света не просто порождает более низкую идентификацию с непосредственной территориальной общностью. Использование Интернета может 1) быть изолированной деятельностью, сдерживающей активность людей в местном сообществе или 2) дополнять и даже стимулировать прямое участие в его делах.

В последнее время СМИ вызвали рост размаха личной вовлеченности за пределами локальных и национальных границ через разные сети и даже "диаспорные сообщества", которые перестали быть территориальными общностями в традиционном социологическом смысле - "Gemeinschaft". То есть мы идем к глобальному сетевому обществу, как минимум, в виртуальном пространстве, далеко отставая в физической мобильности людей, которая к тому же все больше наталкивается на экологические ограничения.

Заключительные соображения. Выше представлен спектр данных об установках, чувствах идентичности и поведении людей по отношению к "открытости мира" на основе данных ООМС и печатных источников, Анализ, конечно, носит предварительный характер, В заключение изложим некоторые выводы относительно мобильнос-

ти и идентификации с узкими и широкими "территориальными уровнями", предвосхищающие некоторые черты будущего.

Наши данные показывают существенные отклонения от спекулятивных предположений, как и суждений на уровне здравого смысла по поводу того, как открытие мира во времени сказывается на крупных территориальных общностях и различиях категорий населения. Мобильность и идентификация не просто линейно растут во времени. Обе делают остановку на территориальных границах. Но исследователи, которые усмотрели в этом иммобильность, а не мобильность, не смогли удовлетворительно объяснить этот факт, так как излишне полагались в основном на логику экономической рациональности (инструментальности) и недооценили культурные и эмоциональные измерения идентификации, меняющиеся медленнее.

Вопреки вызывающим повышенный интерес публики разговорам о глобализации, население Словении по его реальным мобильности и пространственной идентификации нельзя назвать высоко интегрированным в глобальное общество. Мобильность и идентификация преимущественно связаны с локальным и национальным уровнями. Потоки товаров пересекают их пределы интенсивнее, но задерживаются на уровне континента, в то время как информационные потоки достигли наивысших уровней глобальности.

Отмеченные перемены в Словении за последние десятилетия не были выбором народа. Большинство словенцев продолжают придерживаться мнения, что они предпочли бы, чтобы в стране и ее более узких единицах жили только словенцы. Но, несмотря на тенденцию к закрытости, в последнее десятилетие тренд снижения доли коренного населения (в прошлом в рамках Югославии, а сейчас - ЕС) не дает реалистичных оснований для тезиса об "этнически чистой" Словении или для реализации идентичности на основе территориальной эксклюзии (происхождения). Более того, здравые размышления по поводу мирового контекста указывают на утопизм крайне радикальных мнений, противящихся всем и каждому сдерживанию мобильности даже на уровне континента Европы.

За последние десять лет привязанность к разным уровням территорий (местный, региональный, страновой, европейский) несколько колебалась по годам, но базовые профили установок остались на удивление стабильными. Быстрый рост готовности к мобильности (миграция в другое место, регион, страну, за пределы Европы) не сопровождается столь же выраженным трендом на всех уровнях идентификации.

Кажется, стало неприемлемым считать идентификацию со своей территориальной общностью некой альтернативой пространственной мобильности. Иммобильность или неготовность к мобильности нельзя считать, как это иногда делают, синонимом активной идентификации с территориальной общностью. По мере роста взаимосвязей в масштабе мира мобильность все меньше становится угрозой национальной, региональной или локальной идентификациям. С точки зрения девелопментализма (политика развития) ошибочно учитывать только людей, физически присутствующих в границах территориальной единицы. В свете процессов информатизации и глобализации, "телеприсутствие" тоже нужно учитывать, уделяя внимание "теле-идентификации", идентификации на расстоянии, если этот новый термин приживется. На практике это может содействовать большему восприятию критики по поводу "забытых" или "списанных" эмигрантов, временных эмигрантов и даже уроженцев приграничных к Словении соседних государств. В программах развития правительства стран и регионов могут выходить за рамки территориальной исключительности и привлекать к работе транснациональные и особенно диаспорные сети.

Сторонники открытости в основном менее привержены своей территориальной общности (особенно на локальном и региональном уровнях). В результате они менее активны в ней, чем более приверженные. Предрасположенность к открытости демонстрируют мнения о своем собственном поведении (в частности, более высокое стремление к мобильности) и большей терпимости к иммиграции "иностранцев".

Те, кто в поведении и установках обнаруживают, максимум предрасположенности к мобильности, подкрепляют ее наивысшими ожиданиями мобильности в будущем.

Склоняющиеся к наибольшей "закрытости" сегодня тоже не намерены в будущем пытаться выйти в большой мир. Они, поэтому, носители — в традиционном понимании - идентичности территориальной исключительности. Их характеристики таковы: низкий или самый низкий уровень образования; среди них относительно больше пожилых; они меньше путешествуют на далекие расстояния и за рубеж; не знают или знают мало иностранных языков; не занимают руководящих постов на работе; живут в малых городах или разбросаны в сельской местности; живут в конкретных регионах; не пользуются компьютером, мобильным телефоном и Интернетом; у них дома мало книг; низки ожидания перемен в будущем; их друзья живут в основном рядом или на небольшом отдалении; они редко проявляют инициативы на работе или по месту жительства; реже говорят об общественных делах; менее готовы к личной встрече с инакомыслием; придают большее значение предкам, рождению и времени проживания в Словении при национальной идентификации; они религиозные верующие и т.д.

Налицо заметный тренд снижения, несмотря на ряд отклонений и заметные содержательные отличия, доли респондентов, противящихся открытию потоков. Например, принятие эмигрантов растет, а мысль, что несловенцам нельзя доверять ответственные посты в управлении, теряет значение. Ответы, что иммигранты отнимают рабочие места у коренных жителей, становятся реже. То же касается мнения, что Словении нужно ограничить ввоз иностранных товаров. Заметно упала доля респондентов, поддерживающих запрет на покупку земель иностранцами. Однако лишь незначителен спад доли респондентов, согласных с тем, что "смешение с людьми других наций и культур может вызвать проблемы".

В свете этих данных пространственные рамки мобильности населения Словении расширяются. В настоящее время максимальные перемены происходят в готовности переехать в регионы страны и в меньшей мере - в другие страны Европы; минимальные - за пределы континента. Даже готовность к поездкам показывает тенденцию в порядке исключения выходить за рамки европейского континента. Менее образованная часть практически не представлена среди путешествующих за пределы границ Европы в другие части света.

Большие перемены надвигаются с быстрым ростом числа пользователей информационно-коммуникационными технологиями. Конечно, все ждали, что телекоммуникации подорвут и вытеснят физическую мобильность. Но реальный результат стал сенсацией. В целом люди, наиболее интенсивно вовлеченные во все виды телекоммуникаций, стали не менее, а более и даже максимально пространственно мобильны, равно как и более открыты, готовы к мобильности других, включая иммиграцию. Глобальные коммуникации не просто альтернатива локальной деятельности и идентификации, но могут представлять собой дополнительный стимул их развития.

Высокая мобильность может вести к некоторому отчуждению от дома, от локального и национального окружения. Но наши данные показывают более важные латентные межличностные различия. И мобильность, и идентификация (вовлеченность, лояльность) меняются в соответствии с личностными чертами, такими как общая активность/пассивность. Респонденты, путешествовавшие в отдаленные места, не меньше, а фактически больше, чем остальные, участвуют в делах своей родины. И наоборот, лишь малая часть минимально мобильных лиц активно участвуют в решении проблем локальных сообществ или всего мира. Самые мобильные (образованные) респонденты почти в той же степени учитывают мнения других людей в месте их проживания, что и минимально мобильные, но в то же время намного больше считаются с мнениями жителей отдаленных частей света.

Проведенный анализ подтвердил исходный тезис, что рост пространственной мобильности не обязательно противодействует идентификации с узко территориальными единицами. Здесь дело не просто в детерриториализации. Фактически налицо и

сближение, и поляризация ориентации на местное и на глобальное. С одной стороны, люди с более космополитичными установками и поведением обнаруживают тенденцию сохранять привязанность к своим национальным и локальным территориям. С другой, мы нашли растущую долю людей, преимущественно ориентированных на местное; они настроены на эксклюзивность всего остального мира. Но этот вывод нуждается в перепроверке.

Перевод Н.В. РОМАНОВСКОГО

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bambridge M., Cameron S., Dawson P.* Satellite television and the demand for football: a whole new ball game? // *Scottish J. of Political Economy*. 1996. V. 43. № 3, p. 317-333.
2. *Boeri T.* (ed.). *Immigration policy and the welfare system: a report for Fondazione Rodolfo De Benedetti*. Oxford, 2002.
3. *Boulding K.* *The World as a Total System*. L., 1985.
4. *Castells M.* *The Informational City*. Oxford, 1989.
5. *Cuba L., Hummon D.* Constructing a sense of home: Place affiliation and migration across the lifecycle // *Sociological Forum*. 1993. V. 8. № 4, p. 547-572.
6. *Diez Medrano J., Gutierrez P.* Nested identities: national and European identities: national and European identity in Spain // *Ethnic and Racial Studies*. 2001. V. 24. № 5, p. 753-778.
7. *Fischer C.* Evermore Rooted Americans // *City & Community*. 2002. V. 1. № 2, p. 177-198.
8. *Fizel J., Benett R.* The Impact of College Football Telecast on College Football Audience // *Social Science Quart.* 1989. V. 70. № 4, p. 980-988.
9. *Hamelink C.* *Cultural Autonomy and Global Communications*. N.Y., 1983.
10. *Hannerz U.* Scenario for peripheral cultures // *King A.* (ed.). *Culture, globalization and the world system*. L., 1981, p. 107-128.
11. *Houtum H. van, Velde M. van der.* The power of cross-border labour market immobility // *Tijdschrift voor Economische en sociale Geografie*. 2004. V. 95. № 1, p. 100-107.
12. *Mlinar Z.* (ed.). *Globalization and Territorial Identities*. Aldershot, 1992.
13. *Mlinar Z.* Identita culturale, de-territorializzazione // *De Finis G., Scartezzini R.* (Eds.). *Universalita e differenza: cosmopolitismo e relativismo nelle relazioni tra identita sociali e culture*. Milano. 1996, p. 266-280.
14. *Mlinar Z.* *The Residential Environment in the Global Information Age*. Ljubljana: Faculty of social sciences (in preparation).
15. *Smith T., Jarkko L.* *National Pride in Crossnational Perspective*. Chicago, 2001.
16. *Stebe J.* Support for the European Union from a comparative perspective: stability and change in the period of transition // *Central European Political Science Review*. 2001. V. 2. № 3, p. 92-111.
17. *Teune H.* Multiple group loyalties and the security of political communities // *Mlinar Z.* (ed.). *Globalization and Territorial Identities*. Aldershot, 1992, p. 105-114.
18. *Touraine A.* *Can We Live Together?* Stanford, 2000.